

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

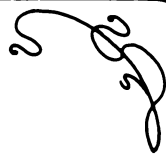
ПОСЛЕ РОССИИ

1922 — 1925

Советский фонд культуры
Культурный Центр — Дом поэта Марины Цветаевой

GOB Art

Москва 1990

«ПОСЛЕ РОССИИ»
Марины Цветаевой

В 1928 году вышел в свет сборник стихов Цветаевой под названием «После России». Книга оказалась последним прижизненным изданием Цветаевой и явила собой один из самых значительных этапов ее поэтического творчества. В сборник вошли 160 стихотворений, написанных в первые три года жизни в эмиграции (1922 г., Берлин; 1922—1925 гг., Прага).

Замысел сборника возник у поэта задолго до его выхода. В ответах на анкету «Писатели о современной русской литературе и о себе» пражского журнала «Своими путями» (1925, № 8/9, с. 8) Цветаева писала: «Среди написанного с весны 1922 года по нынешнюю осень 1925 года — «Умыслы» — книга стихов 1922—1925». «Умыслы» — одно из предполагаемых названий сборника. Намечалось и другое. В объявлении парижской газеты «Дни» за 8 февраля 1925 г. был анонсирован в издательстве «Гнездо» сборник стихов М. Цветаевой «Тетрадь» (это название нашло позднее отражение в заголовках двух частей вышедшей книги «Тетрадка первая» и «Тетрадь вторая»).

В отличие от предыдущих сборников Цветаева решила печатать свою книгу по новой орфографии («согласна на новую орфографию, ибо читатель ее — в России»). В письме к

М. Горькому в октябре 1927 г. Цветаева развивает свою мысль: «... скоро выходит моя книга «После России», т. е. все лирические стихи, написанные здесь, — вышлю. Если бы Вы каким-нибудь образом могли устроить ее доступ в Россию, было бы чудно (политики в ней никакой) — вещь вернулась бы в свое лоно. Здесь она никому не нужна, а в России меня еще помнят» («Новый мир», 1969, № 4, с. 200).

В другом письме этого же года к своей чешской подруге А. Тесковой Цветаева объясняет, почему книга получила такое название: «Я в этом названии слышу многое. Во первых — тут и слышать нечего — простая достоверность: все — о стихах говорю — написанное после России. Во вторых — не Россией одной жив человек. В третьих — Россия во мне, не я в России... А в общем название скромное и точное». (Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой. Прага, изд-во Академии наук, 1969, с. 51).

Издатель нашелся в апреле 1927 г. Им оказался И. Е. Поволоцкий, стоящий во главе небольшого парижского издательства без названия. В октябре того же года Цветаева сдает последнюю корректуру.

По предложению издателя было предусмотрено печатание книги в двух исполнениях — обычном и на хорошей (более плотной и светлой) бумаге для нумерованных и подписанных автором экземпляров. Издание осуществлялось за счет средств, собранных по подписке. Подписчик заполнял специальный бланк и отправлял его издателю с приложением соответствующей

суммы. Заполненные бланки служили в дальнейшем для нумерации, каждый подписчик должен был получить свой нумерованный и подписанный экземпляр. С помощью друзей и знакомых (Л. О. Пастернак, С. Гальперн, А. Тескова) Цветаева размещает все свои подписки. Книга вышла в апреле 1928 г. По непроверенным данным общий тираж сборника составил 500 экз.

Одним из первых критиков сборника был Пастернак. Цветаева послала ему рукопись сборника задолго до выхода книги и получила от него восторженный отзыв. В ответном письме летом 1927 г. Цветаева писала:

«Ты наверное переоцениваешь мою книгу стихов. Только и цены в ней, что тоска. Даю ее, как последнюю лирическую, знаю, что последнюю. Без грусти. То, что можешь — не должно делать. Вот и все. Там я все могу. Лирика (смеюсь, — точно поэмы не лирика! Но условимся, что лирика — отдельные стихи) — служила мне верой и правдой, спасая меня, вывозя меня — и заводя каждый час по-своему, по-моему...»

По-видимому Цветаева с волнением ожидает откликов на книгу, потому что в начале июня в письме к сестре с беспокойством сообщает, что отзывов до сих пор нет. Вскоре, однако, в Париже, в течение одной недели, три ведущие газеты эмиграции откликнулись большими рецензиями на сборник. Первая рецензия появилась 17 июня в газете «Дни», подписана она была инициалами М.С., за которыми легко угадывался Марк Слоним. Через два

дня в «Возрождении» вышла статья постоянного критика газеты Владислава Ходасевича, а еще через два дня — в «Последних новостях» также ведущего критика газеты — Георгия Адамовича.

Вот что писали критики о «После России»; «Почему стихи Цветаевой мне все-таки нравятся и почему наконец «плюсы» их в моем представлении перевешивают «минусы». Дело в том, что один из этих плюсов исключительно велик и значителен, и его ничто перевесить не может; стихи Цветаевой эротичны в высшем смысле этого слова, они излучают любовь и любовью пронизаны, они рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия. Это — их главная прелесть. Стихи эти писаны от душевной щедрости, от сердечной расточительности, — не знаю, как сказать яснее. Можно действительно представить себе, что от стихов Цветаевой человек станет лучше, добрее, самоотверженнее, благороднее. Признаюсь, я не нахожу в себе ни сил, ни желания довести эстетизм до такого предела, чтобы, сознавая это, стихи Цветаевой отвергнуть. Поэтому я их «принимаю». И все оговорки мои не колеблют этого основного признания» (Георгий Адамович).

«... Эмоциональный напор у Цветаевой так силен и обилен, что автор словно едва поспевает за течением этого лирического потока. Цветаева словно так дорожит каждым впечатлением, каждым душевным движением, что главной ее заботой становится — закрепить наибольшее число их в наиболее строгой последовательности, не расценивая, не отделяя

важного от второстепенного, ища не художественной, но скорее психологической достоверности. Ее поэзия стремится стать дневником...» (Владислав Ходасевич).

«Трагическая муза Цветаевой всегда идет по линии наибольшего сопротивления. Есть в ней своеобразный максимализм, который иные назовут романтическим. Да, пожалуй, это романтизм, если этим именем называть стремление к пределу крайнему и ненависти к искусственным ограничениям — чувств, идей, страстей... Стихи и в самом деле полны такой подлинной страсти, в них такая, почти жуткая насыщенность, что слабых они пугают, — им не хватает воздуха на тех высотах, на которые влечет их бег Цветаевой». (Марк Слоним).

В настоящее время книга является большой библиографической редкостью, отсутствует во многих крупных библиотеках страны. В наиболее представительных советских изданиях Цветаевой, таких, как «Избранные произведения» (Библиотека поэта. Большая серия. М.-Л.-«Советский писатель», 1965) и «Сочинения в двух томах» (М., «Художественная литература», 1980, 1984, 1988) сборник «После России» также целиком не печатался. Говоря о необходимости переиздания для нашего читателя сборника, уместно привести слова поэта Павла Антокольского: «Тогда, в 1928 году, узнав ее новые вещи, читая и перечитывая подаренную мне книгу «После России», я впервые понял, почувствовал, оценил значение и место Марины Цветаевой в русской поэзии». («Новый мир», 1966, № 4, с. 217).

При печатании сборника было использовано парижское переиздание «После России» (YMCA-PRESS, 1976). За предоставление указанной возможности выражаем главе издательства YMCA-PRESS Никите Алексеевичу Струве сердечную признательность и благодарность.

Лев Мнухин